

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ, КРИТИЧЕСКАЯ,
ПРИКЛАДНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИИ:
РАССТАВИТЬ ПРИОРИТЕТЫ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ /
Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Из
Библиотеки «Журнала исследований социальной
политики»). М.: ВАРИАНТ, ЦПГИ, 2008. — 176 с.

Пространство социальных наук всегда было «тесным пятачком», объединяющим социальных психологов и социологов, что отражается на их взаимном интересе к активности друг друга, тем более если эта активность маркирует наиболее яркие и заметные изменения в социальных науках в целом. Так, несколько лет назад А.В. Юревичем в «Психологическом журнале» была инициирована дискуссия о роли психологии, ее состоянии как науки, методологических проблемах [1], что положило начало непрерывающимся дискуссиям о попсихологии, «истинных» путях развития психологии, долге психологов перед наукой и обществом. Сегодняшние проблемы — пересмотр методологических основ психологии, перечитывание «классических текстов», принятие качественного подхода как равноценного по отношению количественному [см., например, 2].

В другом измерении, в социологии, эпистемологические и экзистенциальные вопросы решались со всей открытостью, которую дают «социальные знания». И если социологические дискуссии количественников и качественников поражали остротой, глубиной и эмоциональностью, фактически задавая «верхний предел» накала научных страстей для «соседствующих психологов»¹, то книга «Общественная роль социологии» (2008) являет собой пример теперь уже не методологических, а скорее «политических» дебатов.

По мнению Майкла Буравого, чей текст открывает дискуссию, методологические проблемы являются вторичными, производными, по отношению к более существенным вопросам — о предназначении социологии. Для того чтобы оно было осмыслено в развернутом, «стереометрическом» ракурсе, автор предлагает типологию социологий, создает систему координат, фактически разделяя всю социологию при помощи двух конструкторов (один, пожалуй, можно представить как «знание теоретическое — практико-ориентированное», другой — как «решение задач локальных — глобальных»). Таким образом, все пространство социологии условно распадается на профессиональную социологию (теоретическую и локальную), критическую (теоретическую и

¹ См. например, [3], а также другие статьи в этом журнале (URL <<http://magazines.russ.ru/nz/2004/35>>).

глобальную), прикладную (практико-ориентированную и локальную) и общественную (практико-ориентированную и глобальную).

Согласно данной логике, на мой взгляд, в отечественной социологии наиболее сохранной является позиция теоретическая и локальная («профессиональная социология»), поскольку тоталитарное прошлое, по-прежнему во многом определяющее социальные практики и «ментальные репрезентации» российского общества, деформирует область «глобального», а недостаточный опыт развития социологии в России неизбежно ослабляет практико-ориентированное знание. Области актуального развития (например, по мнению ряда социологов, участвующих в дискуссии, в настоящее время наиболее успешно развивается прикладная, «маркетинговая», социология) демонстрируют направления развития российской социологии, рамки, в которых будут усиливаться позиции социологии в ближайшем будущем.

Сам М. Буравой описывает «профессиональную социологию» в терминах исследований «научных программ», «прикладную» — в терминах «защиты» конкретных людей, «критическую» — как ответственную за дебаты о дисциплине внутри «исследовательских программ» и между ними, «общественную» — как ответственную за публичный образ социологии [4, с. 24]. М. Буравой последовательно и подробно представляет задачи каждой «социологии» в данной типологии, говорит о необходимости их «расцвета» и важности вклада всех них в единое целое пространство науки социологии.

Далее редакторы сборника создают на страницах книги эффект дискуссии, представляя тексты российских, британских и американских социологов, актуальные для иницирующего текста. Так, в книге представлены интервью с А. Алексеевым, С. Ерофеевым, Е. Здравомысловой., К. Клеман, С. Климовой, Е. Омельченко, П. Романовым, Н. Романовским, А. Рыкуном, О. Шевченко, В. Ядовым, Е. Ярской-Смирновой, И. Ясавеевым. Вопросы, на которые отвечают участники виртуальной дискуссии, позволяют каждому по-своему использовать «трибуну»: рассказать о собственной исследовательской и активистской деятельности, предложить новую типологию социологий, поразмышлять над судьбой публичной социологии в России. Настоящей неожиданностью становится продолжение дискуссии в текстах У. Бека, Д. Вон, А. Этциони, Э. Гидденса. Удалось добиться эффекта присутствия каждого участника: тексты «говорят», «спорят», «соглашаются», как если бы их авторы и в самом деле собрались за реальным «круглым столом».

Невольно сравнивая психологические и социологические дискуссии, необходимо отдать должное типологии М. Буравого — аналитическому инструменту, позволяющему легко разделять дискуссионные пространства, определяя «зоны ответственности» и «зоны искушений», очень близкие и у социологов, и у психологов. К «зоне искушения» я в первую очередь отношу надежды на поиск удобной

«кормушки» на долгие годы — тренинги, маркетинговые исследования, управленческое консультирование или частную психологическую практику, небескорыстную близость с властью. Подкупает то, что «гуманитарный пафос» социальных наук, практически угасший в формулировании общественной позиции российской психологии «здесь-и-теперь», в социологических дискуссиях представлен реалистичной и ответственной позицией.

В процессе изложения позиций различных известных социологов относительно идей М. Буравого, естественно, представляются не только мнения, но и факты, демонстрирующие современное состояние российской социологии. Так, в своих размышлениях А. Алексеев опирается на выступление В. Ядова, который как научное событие расценил победу социологов в 2007 году в судебном разбирательстве по иску Федерации профсоюзов к члену РОС Карин Клеман (К. Клеман высказывала точку зрения относительно «неподдержки» рабочих АвтоВАЗа со стороны профсоюза). К другим научным фактам публичной социологии был отнесен пересмотр госстандартов по социологии по итогам «бунта» студентов-социологов МГУ. Не могу вспомнить ни одного столь значительного события последних лет на пространстве общественной активности других российских исследователей, например психологов или политологов.

Кстати, как участница данной дискуссии К. Клеман считает типологию М. Буравого «идеальной» (в смысле «абстрактной») и вполне приемлемой для понимания особенностей развития социологии в России.

Проблема социокультурной валидности предложенной типологии социологий, приложимости ее российской действительности, озвученная некоторыми участниками дискуссии, может быть решена практически. Достаточно проанализировать положение российской социологии, а затем определить области в системе координат, где поражения и несоответствия наиболее велики (тем самым возможно выяснить, как деформируются сами конструкты анализа в российском социокультурном контексте).

Да, вероятно, некоторые «западные» дискуссии для российской действительности и в самом деле «не в тему». Так, остракизм мультикультурализма или традиционных гендерных исследований в «российской интерпретации», мне кажется, не актуален, поскольку в нашем общественном сознании не артикулированы должным образом сами понятия «мультикультурализм» и «гендер» (не говоря о социальных практиках), нам не отчего пока «отречься». Типология же М. Буравого вполне «про нас» именно из-за ее логической простоты и инструментального характера: например, в аналитической схеме «Разделение социологического труда» задается формальная матрица, описывающая структуру знания каждой из четырех «социологий»

[5], — буквально основа сравнительного анализа развития социологии в разных регионах.

Кстати, М. Буравой не дожидается, когда подобный анализ проведут другие, поэтому в статьях, приведенных в заключительной части сборника, он последовательно осуществляет этот анализ «по регионам», представляя «национальные режимы социологии».

Примечательно, что и М. Буравой, и другие дискуссионцы в своих размышлениях обращаются к преподавательской и студенческой аудитории, признавая роль университетов в развитии социологии. Отток студентов, снижение интереса к социологическим курсам и предпочтению, например, психологии, рассматриваются как следствие тактических ошибок в организации обучения и научной практике.

Э. Гидденс, один из «участников дискуссии», настаивая на особой миссии социологии как своеобразной формы утопизма и веры в возможность лучшего мира, призывает социологов действовать творчески, воображать «лучший мир», активнее отвечая на поставленные жизнью вопросы. Это позволит социологии вернуть высокие позиции и в обществе, и в сердцах студентов, поскольку студенты, как утверждает М. Буравой, «стали социологами — не для того, чтобы зарабатывать деньги, а ради лучшего мира» [4, с. 47]. Так что о приоритетах современной социологии, по крайней мере, в интерпретации авторов и редакторов сборника, нетрудно догадаться по его названию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–47.
2. Современная психология: методология, парадигмы, теории. Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения–2009». 20–22 октября 2009 г. СПб.: СПбГУ, 2009.
3. Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35).
4. Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой. (Из библиотеки «Журнала исследований социальной политики».) М.: Вариант, ЦПИ, 2008.
5. Буравой М. Выковывание глобальной социологии снизу // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова и Е. Ярославской-Смирновой (Из библиотеки «Журнала исследований социальной политики».) М.: Вариант, ЦПИ, 2008. С. 146.

Н.К. Радина,

доктор политических наук,

Нижегородский государственный педагогический университет